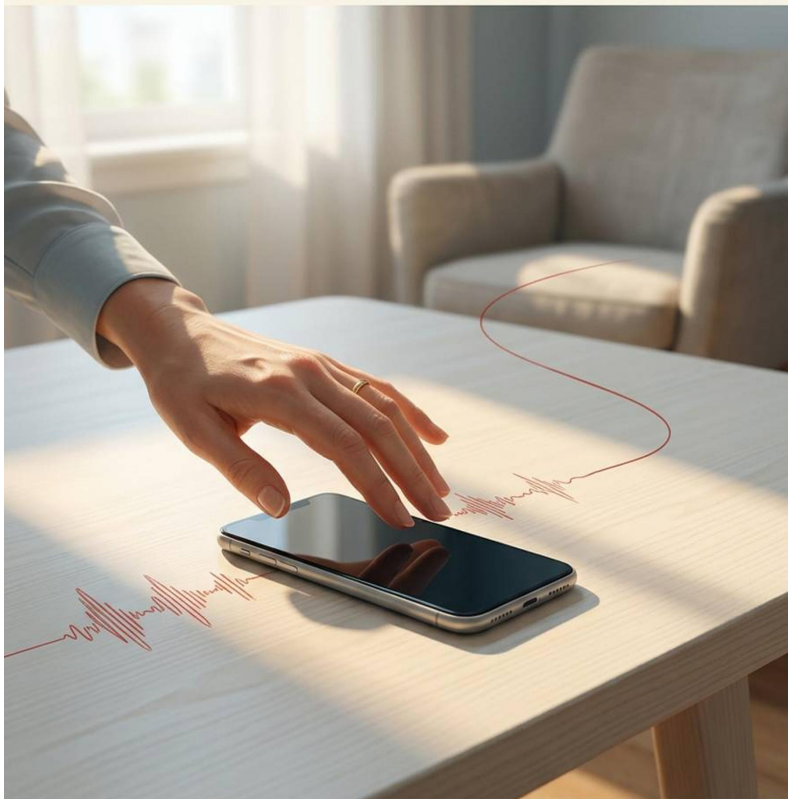


ЧУЖОЙ ГОЛОС



Надежда Чародейская

Надежда Чародейская

Чужой голос

<https://litres.ru/74617344>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вера знает: знакомый голос — ещё не доказательство того, кто говорит.

Когда её мать теряет деньги после звонка голосом дочери, Вера начинает собственное расследование. На записи — её тембр, но фразы собраны из настоящих слов, когда-то сказанных совсем о другом.

След ведёт к голосовому профилю Веры, пилотному сервису восстановления доступа и другим клиентским сессиям. Цифровые журналы фиксируют аккаунты и ключи, но не всегда отвечают на главный вопрос: кто именно был по ту сторону связи? Чем ближе Вера к разгадке, тем труднее отделить ошибку от сознательного решения, а заботу — от попытки решить за другого.

Психологический технотриллер о мошенничестве, семейном доверии и голосе, который можно узнать, но нельзя принять за согласие.

Содержание

Глава 1. Ночной звонок	4
Глава 2. Совпадение	12
Глава 3. Единичный случай	20
Глава 4. Голос брата	28
Глава 5. Основная очередь	36
Глава 6. Репетиция	43
Глава 7. Сначала дыхание	50
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Надежда Чародейская

Чужой голос

Глава 1. Ночной звонок

Вера не звонила матери после полуночи.

Если случалось что-то срочное, она сначала писала: «Не спишь?» — и только потом набирала. Так они договорились много лет назад, когда Надежда ещё работала в музыкальной школе и вставала в шесть утра, а Вера готовилась к экзаменам и могла перепутать утро с ночью.

Поэтому, когда в 01:17 телефон зазвонил на кухонном столе, Надежда уже знала: либо случилась беда, либо дочь наконец научилась звонить без предупреждения.

На экране светилось имя: **ВЕРА**.

Надежда сняла очки с макушки и надела их.

— Что случилось?

— Мам, только не переживай.

Вера умела сначала напугать, а потом успокоить. Она неизменно начинала с «только не переживай», переходила к подробностям и завершала сухим: «Всё под контролем». Надежда много раз говорила, что порядок нужно менять, но дочь не соглашалась.

— Я уже переживаю. Говори.

В трубке шумел ветер или дорога. Голос Веры был тихим, немного сдавленным. Она говорила на выдохе, как после быстрой ходьбы.

— Тебе пришло уведомление от «Линии»?

На экране телефона светилась маленькая синяя точка нового сообщения.

— Сейчас посмотрю.

— Подожди, не открывай пока. Я объясню. У них какой-то сбой с восстановлением доступа. Твою заявку зацепило, и меня указали доверенным контактом. Я уже с поддержкой. Нужно только подтвердить, что это я.

Надежда отодвинула чашку. Чай успел остыть. На столе лежал нотный сборник, который она открыла перед сном, чтобы утром проверить новую партию хора. В верхней строке карандашом было написано: «Дышать вместе».

— Какой ещё доступ? Я сегодня в банк не заходила.

— Знаю. Поэтому и звоню. На твоём аккаунте увидели попытку входа с нового устройства. Они его остановили, но теперь нужно вернуть тебе доступ. «Рядом» для этого и подключали, помнишь?

Надежда помнила. В банке называли это заботой о близких: если клиенту трудно разобраться с приложением, доверенный родственник мог помочь восстановить доступ. Вера настояла, чтобы мать подключилась к пилотной программе. «Это не значит, что я смогу распоряжаться твоими деньгами, — сказала она тогда. — Только помочь, если что-то за-

блокируется».

Надежда согласилась. Не потому, что не справлялась с телефоном, как думала Вера, а потому, что дочери было важно придумать для неё дополнительную защиту.

— Я сама позвоню в банк, — сказала Надежда.

— Конечно. Только позвони из приложения, ладно? Не по номеру из сообщения. Я останусь на линии, пока ты смотришь запрос.

Это был правильный ответ — именно так Вера учила мать не верить незнакомым звонкам. Надежда не положила трубку.

Она открыла приложение. Экран попросил приложить палец, и через секунду показал сообщение: **Вера Соколова приглашает вас подтвердить восстановление доступа через сервис «Рядом».**

Надежда нахмурилась.

— Тут написано, что запрос от тебя.

— Да. Я же сказала — меня добавили доверенным контактом.

— Ты ничего не можешь сделать с моими деньгами?

На том конце коротко выдохнули — так Вера обычно реагировала на вопрос, который казался ей несправедливым.

— Не могу. И не хочу. Это только восстановление доступа, мам. Никаких переводов. Просто подтверждение, что я рядом.

Надежда посмотрела на синюю кнопку. За окном в тём-

ном стекле отражалась кухня: белая скатерть, чашка с трещиной у ручки, старая фотография Веры в школьной форме. На снимке дочь смотрела в объектив серьёзно и чуть исподлобья, будто фотограф уже опаздывал.

— Ты где сейчас?

— Дома.

Ветер за голосом на мгновение стих.

Надежда подождала.

— Что-то не так? — спросила Вера.

— Ничего. Просто поздно.

— Я знаю. Прости. Давай быстро закончим, и ты ляжешь.

В приложении появилась вторая строка: **Для продолжения восстановления подтвердите голос доверенного контакта.** Ниже — просьба включить громкую связь и следовать подсказкам.

— Тут голосовая проверка, — сказала Надежда.

— Да. Они сравнят с тем образцом, который я записывала, когда мы подключали сервис. Это нормально.

— А если я не хочу?

— Тогда не подтверждай. Я просто не хочу, чтобы завтра ты обнаружила, что тебя заблокировали. Но решать тебе.

Надежда задержала палец над экраном. Слова были правильные. Тон тоже. Вера не давила — во всяком случае, не сильнее, чем всегда.

На экране загорелась кнопка: **НАЧАТЬ ПРОВЕРКУ.**

— Давай, — сказала Надежда. — Только я потом всё рав-

но позвоню в банк.

— Конечно.

Она нажала.

Приложение попросило доверенное лицо произнести короткую фразу. Из динамика телефона прозвучал ровный женский голос: «Я подтверждаю, что нахожусь на связи с Надеждой Соколовой».

Потом — пауза.

— Мам, слышишь меня? — спросила Вера.

— Слышу.

— Всё нормально. Я здесь.

Надежда прикрыла глаза. В голосе дочери дрогнула верхняя нота. С детства Вера говорила так, когда старалась не показать, что испугалась. Надежда помнила этот звук лучше, чем любую мелодию.

Из динамика прозвучал ещё один, отдельный фрагмент — голосом Веры, но ровнее, чем предыдущие ответы:

— Я разрешила восстановление. Согласие у меня есть.

Надежда решила, что это итог проверки, которую дочь уже провела. Она нажала «Продолжить».

Экран на секунду потемнел, потом показал зелёную галочку: **Доверенный контакт подтверждён.**

— Вот и всё, — сказала Вера. — Теперь они вернут доступ. Ты молодец.

Надежда поморщилась.

— Не разговаривай со мной как с ученицей.

— Прости. Привычка.

Надежда улыбнулась, хотя дочь не могла её видеть.

— Тебе завтра рано?

— Нет. Я же дома.

И снова — ветер, короткий треск, будто кто-то коснулся микрофона.

— Вера, ты точно дома?

— Мам, я в порядке. Тебе просто показалось.

Разговор оборвался.

На экране появилось сообщение: **Восстановление до-
ступа завершено.**

Надежда несколько секунд смотрела на телефон. Потом закрыла приложение, открыла контакты и нажала на настоящую Веру.

Дочь ответила после третьего гудка.

— Мам? Что случилось?

Голос был сонный, хрипловатый. Никакого ветра. Никакой спешки.

Надежда выпрямилась.

— Ты только что мне звонила.

— Нет.

— Сказала, что у меня проблемы со счётом. Попросила подтвердить восстановление.

Пауза на другом конце была короткой, но Надежда успела услышать, как дочь проснулась.

— Ты нажала что-нибудь в приложении?

— Подтвердила, что ты мой доверенный контакт.

— Мам, положи трубку и больше ничего не нажимай. Я сейчас заблокирую тебе карту. Ты говорила с кем-то ещё?

— Только с тобой.

— Это была не я.

Надежда посмотрела на экран. Зелёная галочка всё ещё стояла рядом со словами «Доверенный контакт подтверждён».

— Но голос был твой.

— Мам, это могла быть запись или подделка. Не отключайся. Открой приложение ещё раз, но ничего не подтверждай. Я сейчас буду с тобой.

На этот раз Вера говорила быстро и чётко. Она уже не успокаивала — она работала.

Надежда открыла приложение. Вверху мигало новое уведомление: **Вход в аккаунт выполнен с нового устройства.**

— Тут новый вход, — сказала она.

— Нажми «Это не я». Сейчас.

Надежда нажала.

Телефон показал серый экран. Потом появился красный текст: **Сеанс завершён. Для возврата доступа обратитесь в службу поддержки.**

Через секунду пришло ещё одно уведомление.

Перевод выполнен: 2 400 000 #.

Надежда не сразу поверила цифрам. Перечитала уведом-

ление: два миллиона четыреста тысяч рублей. Деньги от продажи комнаты, которую она сдавала студентке; часть — на ремонт, часть — на старость, часть — на тот день, когда больше не захочется ни у кого просить.

— Мам? — позвала Вера. — Ты видишь перевод?

— Да.

— Не трогай телефон. Я вызываю банк.

Надежда посмотрела на свою руку. Она всё ещё держала телефон так, будто могла удержать деньги внутри.

— Вера, — сказала она, — я слышала тебя.

— Знаю.

— Нет. Ты не понимаешь. Я слышала именно тебя.

В трубке стало тихо.

За окном, во дворе, хлопнула дверь подъезда. Надежда вдруг заметила, что её чайная ложка лежит на нотном сборнике и закрывает такт, который она собиралась поправить утром.

Она аккуратно убрала ложку.

Голос был Верин.

Согласия Веры не было.

Глава 2. Совпадение

— Не клади трубку, — сказала Вера. — Я сейчас открою обращение в банке и останусь с тобой.

Надежда не ответила. На кухне горела только лампа над плитой; телефон подсвечивал её пальцы холодным прямоугольником. Она держала его обеими руками, словно тот мог выскользнуть и разбить то небольшое, что ещё оставалось на месте.

— Мам, слышишь?

— Слышу.

— Хорошо. Скажи мне только: ты вводила пароль или называла кому-нибудь код?

— Нет. Там была кнопка. Я нажала кнопку.

Вера прикрыла глаза. Ей хотелось спросить, какая именно кнопка, на каком экране, что было написано мелким шрифтом. Вместо этого она медленно вдохнула.

— Ладно. Сейчас позвоним в банк по номеру в приложении. Не по входящему звонку, не по ссылке. Через приложение.

— Я знаю, как звонить в банк.

— Я знаю, что знаешь.

Она сказала это слишком быстро. Надежда услышала и тоже промолчала.

Вера встала с кровати, нащупала ногой тапочки и прошла

в комнату за ноутбуком. На часах было 01:29. За окном темнели соседние дома; в нескольких окнах ещё горел свет. Вера включила ноутбук и поставила телефон на громкую связь.

Оператор ответил через четыре минуты. Вера не перебила мать, пока та называла фамилию и дату рождения. Когда оператор спросил, кто помогает ей восстановить доступ, Надежда произнесла:

— Моя дочь, Вера Соколова. Но она мне не звонила.

Вера услышала, как сотрудник сделал паузу.

— Я рядом, — сказала она. — Я зарегистрирована как доверенный контакт. Но запрос на восстановление я не подтверждала. Пожалуйста, остановите все операции и завершите активные сеансы.

— Вам нужно пройти отдельную проверку, — ответил оператор. — Сейчас направлю ссылку...

— Нет ссылок. Только через приложение.

— Конечно. Извините. Сейчас оформлю блокировку.

Вера открыла рабочую панель «Линии», но остановилась на экране входа. Для доступа к журналам восстановления требовалось подтвердить причину запроса. Она отметила: **подозрение на имитацию доверенного контакта**. Следующее поле спрашивало, связана ли она с клиентом родством.

Вера выбрала **да**.

Под полем появилось предупреждение: *При наличии личной связи сотруднику запрещён доступ к содержанию кли-*

ентских записей. Разрешён только просмотр сводных технических событий.

Она нажала «Принять ограничения».

— Счёт уже заблокирован, — сообщил оператор. — Перевод на два миллиона четыреста тысяч рублей прошёл до поступления вашего обращения. Мы направили запрос на возврат в банк-получатель. Обещать результат пока не могу.

Надежда ответила коротким звуком — не то всхлипом, не то вздохом. Вера узнала эту интонацию: так мать молчала после неудачного школьного соло, когда не хотела огорчать ребёнка, но и притворяться, будто всё получилось, не собиралась.

— Мам, это не ты виновата.

— Я нажала.

— Ты нажала на запрос, который выглядел как наш сервис. Это не одно и то же.

— Голос был твой.

— Я понимаю.

— Нет, Вер. Ты не понимаешь. Он был... — Надежда искала слово. — Живой.

Вера посмотрела на рабочий экран. Там светилось предупреждение о запрете доступа к записи. Она могла запросить её через стандартную процедуру расследования, если мать даст согласие. Это займёт время. Она не должна была использовать свои полномочия только потому, что речь шла о её семье.

И всё же первым делом Вера подумала не о правилах, а о том, **как хорошо он её сделал.**

Эта мысль испугала сильнее, чем цифра перевода.

— Давай я отправлю тебе форму согласия на разбор звонка, — сказала Вера. — Ты сможешь разрешить службе безопасности прослушать технический фрагмент. Я сама его не открою.

— Ты не будешь слушать?

— Пока нет. Не имею права.

— Даже если это был твой голос?

— Особенно тогда.

Надежда выдохнула в трубку. Вера знала этот выдох с детства: так мать отмечала конец фразы, когда не хотела продолжать спор.

Через семь минут банк прислал номер обращения. Через десять — сообщение о завершении всех сеансов. Перевод отменить не удалось: деньги уже покинули счёт. Оператор сказал, что передаст случай в службу безопасности и попросил не удалять уведомления.

Когда звонок закончился, Надежда не попрощалась.

— Я оставлю телефон включённым, — сказала она.

— Хорошо. Если придёт хоть одно новое сообщение, не нажимай. Просто сфотографируй экран и пришли мне.

— Я не маленькая, Вер.

— Я знаю.

— Нет. Ты сейчас говоришь так, будто я маленькая.

Вера хотела возразить, но поняла, что мать права. Она говорила с ней как с клиентом, которого нужно провести через процедуру. Не как с человеком, который только что услышал её голос и отдал этому голосу все свои сбережения.

— Прости, мам. Я просто боюсь, что они позвонят снова.

— Я тоже боюсь.

Надежда отключилась первой.

Вера осталась сидеть на кровати. На экране ноутбука всё ещё было открыто предупреждение о конфликте интересов. За стеной у соседей включилась вода. Город начинал свой обычный ночной шум, и в нём не было ничего, что объясняло бы, как чужой человек только что прошёл в мамин счёт под её именем.

Она вернулась к рабочей панели.

Сводное событие уже появилось в разделе пилота «Рядом».

Клиент: Н. Соколова.

Тип: восстановление доступа.

Доверенный контакт: В. Соколова.

Совпадение голосового профиля: 98,7%.

Проверка присутствия: пройдена.

Операция: завершена.

Вера перечитала строку про проверку присутствия.

В комнате у неё пересохло во рту.

Показатель совпадения был не доказательством. Никто в команде не называл его доказательством — по крайней мере, на технических совещаниях. Это была оценка вероятности, зависящая от качества записи, шума, состояния человека и ещё нескольких параметров. В презентациях же писали проще: **голос подтверждён**.

Вера закрыла сводку. Её роль позволяла увидеть технические события, но не прослушать исходный фрагмент. Она отправила запрос на независимый анализ и прикрепила согласие матери, которое Надежда успела подписать через приложение.

Запрос ушёл в очередь.

Вера открыла внутренний канал инцидентов и набрала: *Подозрение на несанкционированное использование доверенного контакта. Клиент — моя мать. Доступ к содержанию записей не запрашиваю. Нужна остановка новых восстановлений в пилоте до проверки.*

Она перечитала сообщение, удалила слово «атака» и нажала «Отправить».

Ответа не было.

В 02:03 на экране всплыло имя **Роман Левин** — директор продукта. Вера открыла сообщение.

Вижу твой запрос. Не делай выводов по одному случаю.

*Утром разберём стандартным порядком. До этого не под-
ключай внешних подрядчиков и не пиши клиентам пилота.*

Через секунду пришло ещё одно:

*Учитывай конфликт интересов. Твоя мать — клиент.
Не открывай сырые данные.*

Последняя фраза была правильной. Вера сама бы потребо-
вала того же от любого коллеги. Но почему Роман написал
ей через шесть минут после регистрации события — и поче-
му сразу попросил не обращаться к подрядчикам?

Она не ответила. Вместо этого открыла только агрегиро-
ванную статистику пилота: число запросов за ночь, разбивку
по типам сбоев и статусам. Вера не искала мать среди кли-
ентов. Она смотрела на систему целиком.

За последние сорок минут число ночных запросов на вос-
становление выросло вчетверо.

Три запроса завершились успешно. Ещё два остановились
после дополнительной проверки. Все пять проходили через
один и тот же маршрут поддержки. Данные о клиентах были
скрыты, но время событий Вера видела.

Она сохранила снимок сводной таблицы в служебное об-
ращение.

Только после этого заметила время начала маминого за-
проса.

01:13.

Звонок, который слышала Надежда, начался в 01:17.

Вера сверила время с историей на собственном телефоне.

В 01:13 она спала. Её телефон лежал на тумбочке в режиме «не беспокоить». Ни исходящих вызовов, ни уведомлений от «Линии» не было.

Система утверждала, что запрос на восстановление начался за четыре минуты до того, как Надежда услышала голос Веры.

Вера снова открыла сообщение Романа.

Утром разберём стандартным порядком.

Она посмотрела на таблицу: пять запросов за ночь, три завершились успешно. Один из них — запрос Надежды. Все пять шли через один маршрут поддержки.

Вера закрыла ноутбук не до конца. На экране оставалась открытой строка времени.

Кто-то начал этот разговор раньше, чем Надежда подняла трубку.

Глава 3. Единичный случай

Утром Вера пришла в офис раньше охраны.

На проходной её пропуск дважды не сработал. На третий раз турникет мигнул зелёным, но задержал створки, будто раздумывал, стоит ли впускать человека, которого ночью система уже приняла за кого-то другого.

Вера приложила пропуск ещё раз.

— Всё нормально, — сказал охранник. — У нас обновление.

— Конечно.

Она прошла, не оборачиваясь.

В лифте Вера открыла внутреннюю почту. За ночь её обращение сменило статус с **«подозрение на имитацию доверенного контакта»** на **«ожидает классификации»**. Ниже стояла отметка: *Приоритет снижен. Возможна ошибка пользователя.*

Она открыла историю изменений. Переклассификацию выполнили в 02:11. В поле пользователя значилась **учётная запись Романа Левина**.

Лифт остановился на шестом этаже.

У кофейной стойки стояла Ася, младший аналитик службы безопасности. Она держала бумажный стакан обеими руками и смотрела в экран телефона, не читая его.

— Ты всё-таки приехала, — сказала она.

— А должна была остаться дома?

— Роман сказал, что ты не будешь участвовать в разборе.

— Я не участвую в разборе маминого счёта. Я подала заявку на остановку пилота.

Ася посмотрела на неё внимательнее.

— Её тоже переклассифицировали.

— Я видела.

— В два одиннадцать.

— Я тоже видела.

Ася поставила стакан на стойку.

— Тогда ты знаешь, что это не я.

Вера не ответила. Она не подозревала Асю, но не была готова раздавать доверие только потому, что та первой предложила его.

— Что ещё изменили?

— Пока ничего. Мне запретили выгружать сводку по ночным событиям.

— Кто запретил?

— Роман.

Ася произнесла имя тихо, но не испуганно. Скорее устало. Это было хуже.

Вера открыла на телефоне форму служебного инцидента.

— Скинь мне номер задачи, где запретили выгрузку. Не данные клиентов, только номер и время. Я приложу это к запросу.

— Ты уверена?

— Нет. Но это не причина ничего не делать.

Ася продиктовала номер.

В переговорной уже сидели Роман Левин и руководитель контактного центра. На большом экране висел заголовок: **«Рядом: ночные обращения пилотной группы»**. Под ним — график, сглаженный до ровной синей линии.

— Вера, — сказал Роман. — Рад, что ты пришла. Но напомним: в разборе обращения твоей матери ты не участвуешь.

— Я не прослушивала запись и не открывала её профиль. Я подала системное обращение о вероятной атаке на пилот.

— Именно это и будем обсуждать. Садись.

Руководитель контактного центра представился Денисом. Он говорил ровно и доброжелательно — голосом человека, который привык объяснять, что процедура была соблюдена.

— По предварительным данным, оператор действовал по сценарию восстановления, — сказал он. — Клиент инициировал процесс, доверенный контакт подтвердился, восстановление прошло успешно. После этого клиент обратился в поддержку и сообщил о мошенничестве.

— Клиент не инициировала процесс, — сказала Вера.

Роман сложил ладони на столе.

— Это слова твоей матери. Я не говорю, что она неправильно поняла ситуацию. Но пока у нас нет подтверждения, что кто-то вмешался в систему.

— В журнале стоит 98,7 процента совпадения с моим голосом.

— Это высокий показатель.

— Это показатель сходства. Не присутствия и не согласия.

— Мы все понимаем разницу, — сказал Роман. — Но продукт не может ждать, пока появится абсолютная уверенность во всём.

Он сказал «мы все», хотя на технических встречах процент совпадения называли порогом допуска, а не доказательством. В презентациях формулировали короче: «голос **подтверждён**». Заказчики любили короткие слова.

Денис переключил экран. Появилась схема маршрута восстановления: запрос, контакт, подтверждение, оператор, завершение.

— На этом этапе система не даёт доступ к деньгам, — сказал он. — Она только возвращает владельцу возможность войти в аккаунт. Затем владелец подтверждает дальнейшие действия.

— На новом устройстве, — добавила Вера. — Которое система посчитала доверенным.

— Это не одно и то же, — сказал Роман.

— Для человека, у которого со счёта исчезли все накопления, разницы нет.

В переговорной стало тихо. Денис отвёл взгляд к экрану. Роман не изменился в лице.

— Деньги ушли после восстановления. Это отдельное событие, и его расследует антифрод. Сейчас мы обсуждаем голосовую проверку.

Вера посмотрела на график. Ночью она видела пять запросов; на слайде были четыре завершённых восстановления.

— Где остальные?

Денис посмотрел на Романа. Тот не сразу ответил.

— Незавершённые запросы не попали в презентацию, — сказал он. — Там только завершённые.

— Почему он не прошёл?

— Клиент прервал процесс.

— Сам?

— Пока неизвестно.

— Тогда почему обращение моей матери классифицировано как ошибка пользователя, а незавершённый запрос вы вообще не считаете инцидентом?

Роман чуть наклонил голову.

— Потому что незавершённые запросы сами по себе ещё не закономерность. Мы не можем останавливать запуск при каждом подозрении.

Вера знала эту логику. Она сама пользовалась ею в работе: не путать единичное событие с системой. Но для этого нужно было видеть все события, а не только те, которые удобно помещались в презентацию.

— Я прошу приостановить новые подключения до проверки, — сказала она. — Не весь продукт. Только новые восстановления через голосовой контакт.

— Пилот заканчивается через три дня. Запуск согласован

на пятницу.

— Именно поэтому сейчас ещё можно остановиться без последствий для клиентов.

— Запуск не означает, что мы перестанем проверять риски.

— А если эта проверка и есть риск?

Роман выдержал паузу. Затем закрыл презентацию.

— Вера, ты инженер. Не следователь. Твоя мать — клиент, и ты сама это указала. Не трогай сырые данные, не общайся с участниками пилота и не используй внутренний доступ для личного расследования. Это не просьба.

— Я и не собиралась использовать внутренний доступ для личного расследования.

— Хорошо. Тогда оставь расследование тем, кто за него отвечает.

Совещание закончилось через две минуты.

В коридоре Ася ждала у стены.

— Он не показал тебе сводку? — спросила она.

— Показал презентацию.

— Я так и думала.

— Ты сохранила номер задачи?

Ася кивнула и отправила его Вере. Внутреннее обращение было создано в 01:46, через полчаса после того, как система отметила восстановление доступа у Надежды. В описании значилось: **«Несколько запросов на восстановление через доверенный голосовой контакт. Повторяю-**

щийся маршрут оператора».

Статус: закрыто.

Закрыл его Роман Левин.

— Ты знала, что это связано с моей матерью? — спросила Вера.

— Нет. Я знала только, что ночные события идут по одному маршруту. Когда увидела твой тикет, поняла, что это может быть связано.

— Почему не написала мне сразу?

Ася посмотрела на неё без обиды.

— Потому что не знала, можно ли тебе доверять. Ты подписывала пилот.

Вера не нашла ответа, который не звучал бы как оправдание.

— Справедливо.

— И ещё одна вещь, — сказала Ася. — В презентации — четыре завершённых случая. В закрытой задаче, созданной в 01:46, было пять запросов. А в полной сводке к утру — шесть: шестой появился уже после создания задачи.

— Шесть восстановлений?

— Шесть запросов, — сказала Ася. — Четыре завершились, два прервались. Задача в 01:46 — более ранний срез. Один из завершённых — у твоей мамы.

— Ты можешь подтвердить, что их было шесть?

— Могу. Но выгрузку уже забрали.

Вера посмотрела на дверь переговорной. За стеклом Ро-

ман разговаривал по телефону, отвернувшись от коридора. Он улыбался собеседнику.

— Почему ты сохранила номер задачи? — спросила Вера.

— Потому что знала, что он её закроет.

— Ты предвидела, что он закроет именно это обращение?

— Нет. Я предвидела, что он закроет любое обращение, которое мешает пятнице.

Ася забрала остывший кофе и пошла к своему столу.

Вера осталась у стеклянной стены. В панели инцидентов по-прежнему горел зелёный статус: **«Единичный случай»**.

Она открыла карточку и добавила комментарий: *Прошу сохранить все журналы маршрутизации и версии голосового профиля до завершения проверки. Основание: повторяющиеся ночные запросы; данные о числе событий расходятся между системами.*

Пальцы на клавиатуре остановились над кнопкой отправки.

Она знала, что после этого комментария её имя останется в истории надолго. Если выяснится, что она ошиблась, это будет её ошибка. Если она промолчит и кто-то потеряет деньги, это тоже будет её выбор.

Вера нажала «Отправить».

В ту же секунду статус задачи изменился.

Доступ ограничен владельцем продукта.

Глава 4. Голос брата

Вера написала Матвею в 08:54.

Ты делал модель моего голоса для «Рядом»?

Он ответил не сразу.

Где ты?

На работе.

Это не место.

Вера посмотрела на закрытую карточку инцидента. После разговора с Романом она не могла открыть ни сводку, ни историю изменений. Только собственный комментарий и красную плашку: **ДОСТУП ОГРАНИЧЕН.**

В студии. Буду через час.

Студия Матвея находилась в бывшем административном здании у трамвайного кольца. На первом этаже работали ремонт телефонов и мини-пекарня; выше, за дверью с облупившейся надписью «Звук», помещались три комнаты, две вокальные кабины и кухня с чайником, который свистел даже выключенным.

Матвей открыл не сразу. На нём были большие наушники, а за спиной, в звукоизолированной кабине, горела красная лампа записи.

— Ты записываешься?

— Уже нет.

— Тогда почему лампа горит?

— Потому что я забыл выключить.

Он снял наушники и пропустил её внутрь. На мониторе жёлтым была выделена строка: *«Он узнал её голос раньше, чем увидел лицо»*. Вера прочитала её.

— Художественное совпадение? — спросила она.

— Заказчик любит, когда совпадает с жизнью.

Он закрыл текст.

Вера не стала садиться.

— Ты делал модель моего голоса?

Матвей подвинул к себе кружку. На ней была нарисована нота, у которой отломился хвостик.

— Да.

Ответ прозвучал без защиты. От этого стало хуже.

— Когда?

— В конце зимы. Подрядчик «Линии» заказал проверку голосового восстановления. Нужен был тестовый профиль сотрудника. Мне прислали исходные фразы и карточку согласия.

— Чьё согласие?

— Там было написано, что сотрудник дал разрешение на тестирование.

— Ты видел моё имя?

Матвей провёл большим пальцем по сколу на кружке.

— В имени пакета. Не в договоре.

— И всё равно продолжил.

— Да.

Вера посмотрела на него. Матвей не отвёл глаз, но и не попытался объяснить. Это было на него не похоже. Обычно он умел заполнить тишину шуткой, сравнением или историей о заказчике, который хотел «голос как у молодого Шалапина, но чтобы современно». Сейчас он молчал.

— Почему ты не сказал мне?

— Подписал соглашение о конфиденциальности. И решил, что если согласие оформлено, то всё нормально.

— Ты поверил бумаге, не спросив меня.

— Да.

Она наконец села. Между ними стоял микрофон на подставке, похожий на третьего участника разговора.

— Что именно ты сделал?

Матвей открыл рабочую папку на компьютере. Вера увидела несколько файлов с сухими названиями: исходный голосовой образец, проверка профиля Веры, передача профиля Веры. Последний был помечен серым значком облака.

— Тестовый голосовой профиль, — сказал он. — Не полноценный двойник. Набор коротких фраз для проверки сценария. Модель могла произнести то, что требовалось в тесте, и несколько похожих вариантов. Мне сказали, что она будет запускаться только в изолированной среде.

— Ты проверил, что её удалили?

— Я получил акт об удалении.

— Это не то же самое, что проверить.

— Знаю.

Он открыл таблицу с актом, но не повернул экран к ней. Вера не попросила показать ей таблицу: она ещё не понимала, какие данные вправе видеть, а какие — нет, и не хотела, чтобы Матвей решил, будто её возмущает не само нарушение, а невозможность контролировать происходящее.

— Я могу показать тебе только результат теста, — сказал он. — Без исходников. Это мой проект, и там есть материалы, которые мне не принадлежат.

— Покажи результат.

Матвей открыл аудиоплеер.

— Это тестовая фраза. В готовом продукте её не должно быть.

Он нажал на воспроизведение.

Из колонок прозвучал голос Веры:

— Я рядом. Продолжай.

Она замерла.

Фраза была короткой. Голос — низким, тёплым, с чуть хриплым началом на слове «рядом». Именно так Вера говорила, когда хотела успокоить мать и не хотела признавать, что сама нервничает.

— Это я говорила?

— Да. В исходном тестовом наборе было что-то похожее.

— «Я рядом»?

— Возможно, точная фраза. Я не составлял исходник. Мне прислали пакет.

— А вторую часть?

— «Продолжай»? Её тоже. Или близкую. Не помню.

— Ты слышал запись, которой вчера звонили маме?

— Нет.

— Тогда не делай выводов.

— Я и не делаю. Я говорю, что такую фразу моя модель могла собрать. Но у меня не было доступа к настоящему сценарию восстановления. Я проверял один вариант по техническому заданию.

Вера слушала ещё раз — уже не голос, а паузы между словами. «Я рядом» звучало почти без воздуха. На втором слове была крошечная ступенька, как будто голос переставил ногу на лестнице. Она не могла сказать, была ли эта ступенька в её собственной речи или появилась при обработке.

— Насколько близко? — спросила она.

— Для случайного человека — очень. Для тебя — не знаю.

— Я эксперт по голосам, Матвей.

— А я брат. Это не делает нас объективными.

Возразить было нечем.

— У тебя осталась модель?

— Файл теста — да. Сам профиль должен был быть удалён. Я сохранил только демонстрационный голосовой файл, потому что заказчик просил внести правки после первичной сдачи.

— Ты сказал, что получил акт об удалении.

— Мне прислали его позже. А потом попросили оставить

голосовой файл до запуска, если понадобится сравнение. Я решил, что это не то же самое, что держать исходную модель.

— Ты решил.

— Да.

Вера встала и подошла к двери кабины. Внутри всё было обито серым материалом, в углу стоял складной стул. На пюпитре лежал распечатанный текст с несколькими пометками. Здесь можно было произнести любую фразу, и она сразу превращалась в отдельный файл, который затем отправлялся заказчику. Человеческий голос, разложенный на работу и сроки.

— Когда ты понял, что профиль мой? — спросила она.

— Когда получил исходные фразы. Там были слова, которые ты часто говоришь на презентациях. Я написал подрядчику. Они ответили, что согласие есть и я должен выполнять только техническое задание.

— И ты поверил им.

— Я хотел поверить.

Матвей опустил взгляд на экран. На секунду Вере показалось, что он сейчас начнёт оправдываться, но он только закрыл аудиоплеер.

— Я не звонил маме, — сказал он. — И не знаю, кто это сделал.

— Я не говорила, что ты звонил.

— Но подумала.

Вера не ответила.

— Ты думаешь, что я мог использовать модель против мамы? — спросил он.

— Я думаю, что у тебя была модель. Я думаю, что её не должны были оставлять. И я думаю, что ты не сказал мне правду, пока я не спросила.

Матвей кивнул.

— Это честно.

Он снова открыл папку, на этот раз — журнал заказа. Строки были сокращены; часть полей закрыта пометкой «данные подрядчика». Матвей прокрутил до последней страницы.

— Вот сообщение после сдачи. Я его вчера не заметил.

Вера подошла ближе. Текст был короткий:

Профиль Веры сохраняется до конца пилотного периода. Не удалять до завершения проверки в рабочем контуре. При запросах на повторный тест обращаться к координатору основной очереди.

Ниже стояло время отправки: три недели назад.

— «Рабочий контур» — это что? — спросила Вера.

— Я не знаю. В задании было написано «пилотная среда».

Я не должен был видеть ничего кроме тестового стенда.

— А основная очередь?

— Очередь поддержки, наверное. Или внутренний номер координатора. Я не спрашивал.

Вера перечитала строку. Три недели назад профиль должен был быть удалён. Вместо этого его оставили до конца

пилота, а теперь выяснилось, что пилотные запросы шли через один и тот же маршрут контактного центра.

Матвей сел перед экраном.

— Я могу отправить тебе копию сообщения.

— Не отправляй ничего из проекта в личную почту. Сначала я оформлю запрос через службу безопасности.

— Ты же не можешь открыть задачу.

— Тогда оформлю её через Асю.

— А если Роман закроет и эту?

Вера посмотрела на брата.

— Тогда будет понятно, что именно он пытается закрыть.

Матвей нажал на строку с номером проекта. Открылось небольшое окно с техническим статусом, которое он раньше не прокручивал до конца.

В правом нижнем углу мигнула серая надпись:

Последний доступ к профилю Веры: сегодня, 01:13.

Контур: основная очередь.

Вера перестала дышать.

— Это точно не твой вход? — спросила она.

— Точно. Я спал.

— Профиль должен был быть только в тестовой среде.

Матвей повернул к ней экран.

— Тогда кто-то запустил его в рабочем контуре.

Глава 5. Основная очередь

Ася согласилась встретиться не в офисе.

— Если Роман уже ограничил доступ, он увидит, что мы снова открыли карточку, — сказала она по телефону. — И нет, это не паранойя. Там есть журнал просмотров.

— Где ты?

— Внизу, у кофейни.

— Я думала, ты сказала не в офисе.

— Я сказала не в переговорной.

Кофейня занимала угол первого этажа бизнес-центра. В обед там собирались сотрудники с бейджами, курьеры и люди, которые приходили на встречи «на пять минут» и задерживались на час. Ася сидела у стены, спиной к окну, и держала перед собой закрытый ноутбук.

— Ты принесла журналы? — спросила Вера.

— Нет. Я принесла голову. Журналы остались в системе.

Это была разумная осторожность. Вера села напротив.

— Что такое основная очередь?

— Не человек. Очередь.

— Какая именно?

— Ночная эскалация восстановления. Если обычный оператор не может завершить процедуру, запрос переходит туда. Это очередь подрядчика с доступом к части пилотных сценариев.

— С какого времени?

— Не знаю. Обозначение старое. В новом справочнике его уже нет.

— Почему?

Ася помолчала.

— В прошлом квартале очередь вывели из обычной поддержки. Её оставили для тестирования сложных случаев. По документам — только в тестовой среде.

Вера положила ладони на стол.

— А профиль Матвея был в рабочем контуре.

— Да.

— И в момент, когда начался запрос у мамы.

Ася кивнула.

Официант поставил между ними кофе. Вера не притронулась к чашке.

— Что ты увидела ночью? — спросила она.

— Не клиентские данные. Только сводку. Шесть восстановлений через «Рядом». Два прервались, четыре завершились. Все прошли через основную очередь.

— В презентации Романа было четыре события.

— Он показал четыре завершённых. Но не сказал, что ещё два дошли до той же очереди и остановились до конца.

— Почему они остановились?

— В одном случае клиент сам завершил сессию. Во втором оператор закрыл её после дополнительной проверки.

— Что за проверка?

— Не знаю. Я не видела содержания звонков.

Вера откинулась на спинку стула. Четыре завершённых восстановления и два прерванных. Все через одну ночь. Все через очередь, которой не должно было быть в рабочем контуре.

— Ты кому-нибудь сообщила?

— Да. Вчера вечером создала задачу на сохранение журналов и проверку доступа подрядчика. Её закрыли.

— Романом.

— Да.

— Ты можешь открыть её снова?

— Могу. Но если добавлю ту же формулировку, он закроет её второй раз. Если назову это утечкой без доказательств, он закроет меня вместе с задачей.

Вера посмотрела на неё. Ася не просила защиты и не жаловалась. Она просто описывала ограничения так, как Вера привыкла описывать ограничения системы.

— Тогда не будем писать «утечка», — сказала Вера. — Напишем, что нужно сохранить журнал использования профиля Веры и проверить, почему тестовая очередь получила производственный доступ. Это факты.

— И твоя мать?

— В обращении укажем конфликт интересов. Я не буду запрашивать её запись.

— А если они всё равно запретят?

— Тогда у нас будет ещё один факт.

Ася впервые улыбнулась.

— Ты всегда так говоришь, когда злишься?

— Только когда очень стараюсь не злиться.

Они открыли служебную форму на ноутбуке Аси. Доступ к разделу сохранения журналов у неё ещё оставался. Вера диктовала формулировки, Ася проверяла каждую по правилам. Ни имён клиентов, ни голосовых фрагментов, ни предположений о виновных. Только время, очередь, версия профиля и разница между тестовой и рабочей средой.

Перед отправкой Ася остановилась.

— Есть ещё одна вещь.

— Какая?

— У второго прерванного обращения клиент попросил не соединять его с доверенным родственником.

— Почему?

— В служебной заметке написано: «Слышал голос дочери, но дочь сейчас рядом». Оператор остановил восстановление.

Вера почувствовала, как по спине прошёл холод.

— Значит, человек позвонил, услышал голос, похожий на голос дочери, и понял, что что-то не так.

— Или понял, что дочь рядом, — сказала Ася. — Формулировка не очень ясная.

— Почему ты не включила это в ночную сводку?

— Я не знала, что ты захочешь это слышать.

— Я хочу знать всё, что не нарушает чужую приватность.

— Тогда это нужно запросить официально. У меня только

обезличенная заметка и служебная отметка о маршруте.

Вера кивнула. Она хотела узнать, кто этот клиент и что именно он услышал. Но теперь каждый дополнительный шаг проходил через систему, которой она не доверяла.

Ася отправила запрос на сохранение журналов.

На экране появилось подтверждение: **Задача создана. Ответственный — служба сопровождения подрядчиков.**

Имя ответственного раскрылось через несколько секунд.

Кирилл Серов.

Ася закрыла ноутбук.

— Ты его знаешь? — спросила Вера.

— Видела пару раз на встречах. Он отвечает за ночную поддержку у подрядчика. Очень вежливый. Всегда говорит, что у операторов нет доступа к голосовым профилям.

— А основная очередь?

— Формально — нет. Фактически, судя по журналу, кто-то из этой очереди запускал профиль Веры.

Вера посмотрела на имя ещё раз. Кирилл Серов. Ниже система показывала время последнего изменения задачи: 02:11 — та самая минута, когда Роман переклассифицировал обращение её матери.

— Кто закрыл твою задачу прошлой ночью? — спросила она.

— Роман.

— А кто теперь отвечает за сохранение журналов?

— Кирилл.

Вера наконец взяла чашку. Кофе успел остыть.

— Они разделили следы между собой, — сказала она.

— Или это обычное распределение ответственности, — ответила Ася.

— Ты в это веришь?

Ася посмотрела на закрытый ноутбук.

— Я хочу верить. Это не одно и то же.

Телефон Веры завибрировал. Сообщение от Романа:

Увидел новую задачу. До завершения внутренней проверки прошу не обсуждать её с подрядчиком напрямую. Вопросы направляй через меня.

Вера показала экран Асе.

— Он ответил раньше, чем система назначила Кирилла?
— спросила та.

Вера проверила время. Сообщение пришло в 12:26. Задачу назначили на Кирилла в 12:24.

Две минуты.

Вера не стала отвечать. Она сохранила сообщение в служебной карточке и попросила Асю не выгружать ничего нового без официального разрешения.

На улице, за стеклом кофейни, шёл мелкий дождь. Люди раскрывали зонты, прятали телефоны в карманы и торопились к остановке.

— Если основная очередь работала в рабочем контуре, Кирилл должен знать, кто её туда включил, — сказала Ася.

— Или кто попросил.

— Ты собираешься звонить ему?

— Нет. Пока мы не получим ответ через задачу, я не буду идти к подрядчику напрямую.

— А если ответа не будет?

Вера посмотрела на экран, где всё ещё светилось сообщение Романа.

— Тогда поймём, что молчание тоже часть ответа.

Она убрала телефон.

Впервые с ночи у неё появилось не только подозрение, но и направление.

Основная очередь.

Кирилл Серов.

И два человека, которые очень быстро решили, что проверять больше нечего.

Глава 6. Репетиция

Вера не стала отвечать Кириллу напрямую.

Она попросила Асю назначить встречу через официальную задачу и пригласить Романа. Если разговор будет только между ней и подрядчиком, его можно будет назвать личной проверкой. Если за столом окажутся все, кому положено отвечать за пилот, останется хотя бы протокол.

Кирилл подключился к видеоконференции ровно в 14:00. За его спиной была белая стена без логотипа и календарь с пейзажем. Сам он выглядел так, словно заранее знал, что именно будет сказано, и просто ждал своей очереди.

— Спасибо, что нашли время, — произнёс он. — Понимаю, что ситуация неприятная. Мы готовы помочь разобраться.

Вера отметила интонацию. Не фальшивую, не неестественную — отработанную. Так говорят люди, которым часто приходится начинать разговор с чужой тревоги.

Роман открыл встречу.

— Цель простая: сверить маршрут ночных обращений и определить, нужен ли дополнительный аудит. Пока не называем это утечкой или атакой. У нас нет оснований.

— Согласна, — сказала Вера. — Поэтому я и хочу понять, что такое основная очередь.

Кирилл улыбнулся. Не ей — камере.

— Техническая очередь ночной эскалации. Это не отдельная группа, которая работает с голосовыми профилями. Если обычный оператор не может закрыть восстановление, запрос автоматически попадает к нам. Мы видим статус и можем помочь оператору пройти стандартный сценарий.

— Вы видите сведения о доверенном контакте? — спросила Вера.

— Только те, что необходимы для сопровождения запроса.

— Имя, номер телефона, причину восстановления?

— Имя и статус. Не исходную аудиозапись.

— А тестовые профили?

Кирилл моргнул — один раз, быстро.

— У подрядчика нет прав запускать тестовые профили в рабочем контуре.

Роман откинулся на спинку кресла.

— Это важно. Рабочий профиль может подключить только продуктовая команда «Линии».

Вера посмотрела на него.

— Тогда почему профиль Веры был доступен через основную очередь в 01:13?

— Мы не подтверждали, что он был доступен именно через очередь, — сказал Роман.

— Это видно в журнале Матвея.

— Журнал подрядчика ещё не проверен.

Кирилл слегка наклонился к камере.

— Если вы говорите о сессии в 01:13, это, вероятно, была репетиция. В ночном окне мы проверяли прохождение восстановления перед запуском.

Вера не пошевелилась.

Ася, сидевшая рядом, перевела взгляд на экран. Роман посмотрел на Кирилла. На мгновение все трое замолчали.

— Вы сказали «репетиция», — произнесла Вера. — В задаче этого слова нет.

Кирилл не потерял улыбку.

— Это обычный термин для тестового прогона.

— В рабочем контуре?

— Не должно было быть.

— Но было?

Роман вмешался:

— Вера, не превращай предварительную сверку в допрос. Мы ещё не установили, что профиль использовали для подтверждения клиентского действия.

— Я не спрашиваю, использовали ли его. Я спрашиваю, зачем подрядчику понадобилась репетиция в рабочем контуре.

— Никому не понадобилась, — ответил Роман. — Возможно, это тестовый маркер, который ошибочно попал в журнал.

Кирилл кивнул.

— Такое бывает при переключении между средами. Мы проверим.

— Когда?

— После того, как получим официальный запрос на аудит,

— сказал Роман. — Сейчас у нас только предварительные данные.

Вера посмотрела на форму встречи. В поле «повестка» стояло: *Сверка маршрута ночных обращений*. Ни слова о тестовом профиле. Ни слова о времени 01:13. Ни слова о том, что одна из клиенток — её мать.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда зафиксируем: подрядчик отрицает доступ к тестовым голосовым профилям. Руководитель продукта подтверждает, что доступ к рабочему контуру есть только у продуктовой команды «Линии». При этом профиль Веры был использован в рабочем контуре в 01:13.

— Не был использован, — поправил Роман. — Был отмечен.

— Разница будет понятна после аудита.

— Именно. До аудита мы не делаем выводов.

Встреча закончилась через минуту. Кирилл попрощался первым, затем отключился Роман. Ася подождала, пока в углу исчезнет значок записи.

— Он назвал это репетицией, — сказала она.

— Да.

— А в календаре репетиции нет.

— Ты проверила?

— Пока мы говорили. Ночного теста не было ни в плане

пилота, ни в расписании поддержки.

— Может, тест был вне расписания.

— Тогда почему Кирилл сразу назвал его репетицией?

Вера закрыла форму встречи.

— Потому что знает, что происходило в 01:13.

— Или потому что заранее подготовил объяснение.

— Это почти одно и то же.

Ася открыла служебный календарь сопровождения. Вера не стала смотреть на клиентские карточки; она следила только за строками расписания.

В ночь на понедельник основная очередь должна была работать в режиме дежурного сопровождения. В 01:13 значилась плановая техническая пауза. Ни одного теста. Ни одного звонка. Ни одного сотрудника, назначенного на репетицию.

— Кто был на смене? — спросила Вера.

Ася открыла список ответственных.

— Дежурный оператор — общая служебная учётная запись. Супервизор — Кирилл Серов.

— Имя оператора есть?

— Только в системе подрядчика. У меня нет разрешения на просмотр персональных данных сотрудников.

Вера уважала эту границу. Сегодня ей особенно не хотелось, чтобы расследование превращалось в ещё одно нарушение правил.

— Тогда запросим через задачу.

— Я уже запросила.

Ася показала экран. В тикете, созданном ею утром, появился новый комментарий:

Запрос на идентификацию дежурного исполнителя отклонён до завершения внутренней проверки. Основание: ограничение персональных данных подрядчика.

— Кто отклонил? — спросила Вера.

— Роман.

За окном переговорной кто-то прошёл с коробкой, полной рекламных буклетов к запуску. На обложке была изображена пожилая женщина с телефоном и подпись: **«Рядом — когда близким нужна помощь».**

Вера посмотрела на буклеты и вспомнила мамин голос: «Он был живой».

— Запроси не имя оператора, — сказала она. — Запроси подтверждение, что в 01:13 основная очередь работала только в дежурном режиме. Без персональных данных.

Ася набрала текст.

— Думаешь, так пропустят?

— Не знаю. Но если откажут, это тоже будет ответ.

Вера поднялась.

— Ты куда?

— К маме. Потом в службу безопасности.

— Роман запретил тебе обсуждать пилот с участниками.

— Он запретил мне обсуждать его с клиентами. Я не собираюсь спрашивать маму о чём-то, чего нет в согласован-

ной форме. Я поеду как дочь.

Ася кивнула.

У двери Вера остановилась.

— Не открывай журнал основной очереди без разрешения. И не оставайся одна с этим тикетом.

— Ты мне сейчас запрещаешь работать?

— Нет. Я прошу тебя не становиться следующей записью, которую кто-то тихо закроет.

На телефоне Веры появилось новое сообщение от матери:
«Мне позвонил банк. Сказали, что заявка принята. Я ничего не нажимала».

Вера набрала ответ: **«Хорошо. Я еду к тебе».**

В тот же момент обновилась задача Аси.

Запрос на подтверждение ночного режима основной очереди принят.

Ответственный: **Кирилл Серов.**

Срок ответа: **три рабочих дня.**

Вера перечитала срок. До запуска сервиса оставалось меньше двух.

Кирилл не просто знал о ночной сессии.

Теперь он сам должен был объяснить, почему она произошла.

Глава 7. Сначала дыхание

Надежда ждала у двери в шерстяных носках, хотя в квартире было тепло.

— Ты приехала, — сказала она.

Вера хотела ответить: «Я же обещала». Но эта фраза прозвучала бы как упрёк — будто мать должна была сомневаться. Она молча обняла её.

На кухонном столе стояли две чашки и тарелка с пирогом. Надежда налила чай, но к пирогу не притронулась.

— Я не хочу, чтобы ты теперь проверяла каждое слово, которое я говорю, — сказала она.

— Не буду.

— И не объясняй мне, что я сама виновата.

— Не собиралась.

— Хорошо.

Мать подняла чашку. На блюде негромко звякнула ложка.

Вера поставила на стол телефон и открыла форму согласия на просмотр технического фрагмента. Она заранее проверила, что запрос уйдёт независимому специалисту, а не в её собственную рабочую очередь.

— Мне нужно твоё разрешение, чтобы служба безопасности посмотрела короткую запись проверки, — сказала она.
— Я сама её не открою.

— Почему?

— Потому что я сотрудник и одновременно твоя дочь. Если я полезу в запись, всё расследование можно будет назвать личным.

— А если ты не слушаешь, как узнаешь, что именно они сделали?

— Попросим человека без конфликта интересов.

Надежда прочитала форму. Потом сняла очки, протёрла их уголком кофты и надела снова.

— У тебя всегда были такие длинные ответы.

— Это не ответ. Это процедура.

— Вот поэтому они и длинные.

Мать поставила подпись пальцем на экране.

Вера не открывала записи. Вместо этого она попросила показать историю уведомлений на телефоне Надежды. Та сразу нашла нужное приложение, хотя обычно путалась в настройках.

— Вот, — сказала Надежда. — Ночью я ничего не видела. Телефон был без звука.

В истории уведомлений стояло: **01:13. Вера Соколова приглашает вас подтвердить восстановление доступа.**

Звонок начался в 01:17.

— Ты нажимала что-нибудь до звонка? — спросила Вера.

— Нет. Я спала.

— Даже приложение не открывала?

— Нет.

Вера сняла скриншот только с письменного разрешения матери и добавила его в официальный запрос. Четыре минуты между уведомлением и звонком. Сначала кто-то запустил восстановление, потом позвонил Надежде и объяснил, как его завершить.

— Значит, они знали, что запрос уже пришёл, — сказала Надежда.

— Да.

— И знали, что звонить надо именно мне.

Вера не ответила. Мать сама подвела итог, который Вера пока старалась не произносить.

— Это не просто кто-то нашёл запись твоего голоса в интернете, — сказала Надежда. — Кто-то знал, что я подключена к программе. И что ты у меня указана.

— Похоже на то.

— Кто это мог знать?

— Банк. Подрядчик, который обслуживает программу. Возможно, кто-то из тех, кто видел заявку.

— Ты видела?

— Я не открывала её. Я видела только технический журнал после того, как ты сама согласилась на проверку.

— Я не спрашиваю, что ты видела по правилам. Я спрашиваю, кто мог знать.

Вера посмотрела на мать. Та не повышала голоса, но в комнате стало теснее.

— Пока не знаю.

Надежда провела пальцем по краю блюда.

— Когда я спросила, где ты, голос сказал, что дома.

— Да.

— А за ним было слышно дорогу. Или ветер. Я ещё подумала, что ты открыла окно.

Вера вспомнила эту деталь. Во время звонка ей показалось, что на записи шумит улица. Тогда она не придала этому значения.

— Ты поэтому переспросила?

— Я переспросила, потому что не поверила. А потом голос ответил так, как отвечаешь ты, когда не хочешь, чтобы я волновалась.

— Как именно?

— Не словами. Пауза была правильная. Потом короткий выдох. Ты так делаешь, когда уже решила, что сама справишься, но ещё не хочешь об этом говорить.

Вера не стала говорить, что это невозможно повторить. Она знала, что можно повторить слова. Иногда — тембр. Иногда — дыхание. А вот привычку ждать после вопроса, привычку говорить «я здесь» именно тогда, когда человек на другом конце пугается, нельзя было свести к одному звуковому впечатлению.

— Но что-то было не так? — спросила она.

Надежда помедлила.

— Я не знаю. Я услышала тебя и поверила, что ты звонишь. Это не одно и то же, что почувствовать, будто ты ря-

дом.

Вера опустила взгляд на чашку.

— Я должна была понять раньше.

— Нет. Ты должна была придумать систему, которая не заставляет меня выбирать между голосом дочери и надписью на экране.

Вера подняла глаза.

— Ты права.

Надежда неожиданно усмехнулась.

— Не привыкай. Я не собираюсь выигрывать все споры.

На телефон Веры пришло сообщение от Аси:

Подтвердили: до звонка был создан запрос. В 01:13 его открыл оператор основной очереди. Потом подключили профиль Веры. Пытаюсь получить полную цепочку.

Вера показала сообщение матери.

— Значит, был человек, — сказала Надежда.

— Похоже, что да.

— А голос?

— Пока не знаем.

— А если это вообще был не искусственный голос?

Вера медленно положила телефон на стол.

Эта версия уже приходила ей в голову — но она отодвинула её, потому что тестовая модель Матвея подходила слишком хорошо. Если звонил живой человек, умеющий подражать Вере, система могла принять его голос и без модели

Матвея. Если использовали модель, оператор мог направлять звонок так, чтобы мать слышала нужные фразы. А если голос был собран из записей, то вопрос «кто говорил?» не имел одного ответа.

— Это тоже возможно, — сказала Вера.

— Ты так говоришь, когда уже знаешь, но не хочешь меня пугать.

— Нет. Сейчас я правда не знаю.

Надежда кивнула, словно это был первый честный ответ за весь день.

— Я могу ещё раз прослушать запись, если найдут, — сказала она. — Не чтобы определить, искусственный голос или нет. Я не умею. Но я помню, что мне сказали и когда.

— Тебе не нужно самой искать доказательства.

— Мне нужно понимать, что происходит со мной.

Вера хотела возразить, но остановилась. Она слишком часто решала за мать, какой объём правды та выдержит.

— Хорошо. Если появится запись, мы попросим независимого специалиста прослушать её вместе с тобой. Я буду рядом, но не буду делать выводы вместо тебя.

Надежда снова взяла чашку.

— Тогда налей мне ещё чаю. Настоящего. Без подтверждения личности.

Вера улыбнулась и потянулась к чайнику.

Телефон завибрировал снова. Ася прислала ещё одно сообщение:

Первичный журнал подтверждает: запрос создали до звонка. Но голосовой профиль активировал не Кирилл. Запрос пришёл из продуктовой среды «Линии». Для доступа использовали продуктовый ключ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.